

АДАР-НИСАН 5770

ПЕТРОЗАВОДСК
N 140

МАРТ 2010

НОЧЬ ХРАНИМЫХ

Первая ночь праздника Песах называется "Лейль шимурим" - "Ночь хранимых". Еврейский народ в это время находится под особой защитой, которую осуществляет Сам Вс-вышний.

Оно из самых ярких впечатлений пасхального седера - момент, когда со свечой в руке идут и открывают входную дверь. Никого и ничего не страшно, призывают Вс-вышнего: "Излей ярость Свою на народы, которые не признают Тебя!" У кого в это время не шевельнется в душе что-то похожее на восторг и гордость: сегодня никто нам не страшен, Сам Творец охраняет нас! Поэтому, кстати, в первую ночь Песаха радикально скрывают молитву, которую читают перед сном, оставляя лишь отрывок "Шма, Исраэль..." и заключительное благословение, поскольку все остальные ее тексты читают, чтобы заручиться охраной Вс-вышнего от всевозможных враждебных сил, особенно сильных ночью, а в этом нет нужды в это время.

Однако в названии "Лейль шимурим", как повсюду в Торе, есть и более глубокий смысл. Это выражение встречается в Танахе только один раз: в связи с моментом исхода сынов Израиля из Египта. "Ночь хранимых, она у Г-спода, чтобы вывести их из страны египетской; она, эта ночь, у Г-спода, - [ночь] хранимых для всех сынов Израиля на [все] их поколения" (Шмот, 12:42). В этом контексте особое название этой ночи имеет простой смысл: Исход состоялся после длинной, годичной цепи невероятных, потрясающих воображение чудес; они принесли египтянам страшные бедствия, однако сынов Израиля - находившихся в тот момент в среде египтян - совершенно не затронули: "...а у всех сынов Израиля был свет в их жилищах" (Шмот, 10:23). В последнюю же ночь пребывания сынов Израиля в Египте на страну обрушилась еще одна, самая ужасная казнь: по всему Египту в одночасье умерли все первенцы - даже первенцы-рабы и первенцы других национальностей, оказавшиеся тогда в Египте, даже все первенцы скота. Однако дома сынов Израиля Вс-вышний, разы направо и налево, "миновал" ("пасах" - отсюда и название праздника: Песах), "...а наши дома - спас" (Шмот, 12:27).

В эту ночь сыны Израиля требовалась защита не только от развязшей Свыше кары, но и от конкретной физической опасности. По повелению Вс-вышнего евреи должны были принести ему особую жертву, "песах", благодаря чему они стали бы достойными Освобождения. Однако заслужить Освобождение было совсем не легко: для этого следовало полностью изжить в себе страх перед фараоном и его надсмотрщиками, страх перед богами Египта, а главное - перед близкими соседями-египтянами. То есть исполнение этого повеления Вс-вышнего настоятельно требовало готовности к самопожертвованию. Ведь надо было зарезать ягнят, которые почитались в Египте как божества, обрызгать их кровью притолоку и коски двери своего дома, а туши зажарить на открытом огне (так, чтобы запах от этого ощущался во всей округе) и съесть. То есть евреи должны были совершить действия, которые египтяне считали вопиющим кощунством! И от сынов Израиля требовалась безоглядная вера в то, что Вс-вышний, давший такое повеление, охранит всех, кто будет занять его исполнением, от любой опасности со стороны возмущенных соседей.

Однако, как хорошо известно, в ту ночь - Ночь хранимых - никто и не помышлил о том, чтобы причинить сынов Израиля хоть какой-то вред. Даже ни одна собака во всей стране на них не залаяла (см. Шмот, 11:7)!

...На все поколения их"

Читая или слыша рассказ Торы об исходе из Египта, на эти слова, возможно, не обращают особого внимания, так как интерес сосредоточен на иных деталях - конечно, настолько ярких, что они затмевают оборот речи, и без того многократно встречающийся в Торе. Тем не менее, следует помнить, что в Торе нет ничего второстепенного, ее содержание бездонно

глубоко, и из всего можно и нужно извлечь жемчужины знания.

Вероятно, именно для того, чтобы привлечь внимание тех, кто изучает Тору, к каждому слову этого стиха, Раши дал к нему подробный комментарий с такими сведениями, которые побуждают глубже задуматься над ними и заглянуть на другие страницы Пятизаповедей.

Сначала он объясняет самый простой смысл выражения "лейль шимурим": "ночь [исполнения обещаний, данных Вс-вышним и Им] хранимых". Раши пишет, что эта ночь называется так потому, что "Святой, благословен Он, хранил Свое обещание вывести их [сынов] Израиля" из страны египетской и [Сам] с нетерпением ждал срока его исполнения". Значит, здесь Раши заставляет нас припомнить сказанное в третьей главе книги Шмот: рассказ о первом откровении Вс-вышнего, которого удостоился Моше, получив повеление вернуться в Египет и заняться освобождением сынов Израиля, а также о данном Вс-вышним обещании успешного завершения этой миссии. А из своего комментария к стиху 3:18 Раши отсылает нас к концу книги Берешит (50:24), где Йосеф, умирая, сообщает своим братьям "пароль" (воспринятый Йосефом от отца его, Яакова), по которому сыны Израиля в Египте признают своего истинного свободителя.

Затем Раши так комментирует слова "она, эта ночь, у Г-спода": "Это та самая ночь, о которой Он сказал Аврааму: 'В эту ночь Я спасу твоих сынов'".

А когда Вс-вышний сказал это Аврааму? Мы можем пролистать весь Танах и не найти ничего подобного. Но Раши полагается на то, что "пятилетний мальчик, изучающий Письменную Тору", помнит все, что уже учил, и в том числе комментарий его, Раши, к книге Берешит - а именно к рассказу о победе, одержанной Авраамом над полчищами четырех царей-агрессоров. Там сказано несколько странно о тактике, примененной Авраамом в решающей битве: "И разделся для них ночь - он и рабы его - и ударил по ним..." (14:15). Раши сначала объясняет, что речь идет об указаниях, которые дал Авраам своему крохотному "войску": кто должен гнаться в каком направлении, преследуя убегающих в разные стороны врагов. Но потом Раши прибавляет еще одно толкование, заимствованное им из Мицраша. Согласно ему, это не Авраам, а Сам Вс-вышний разделил ту ночь надвое: в первой ее половине Он совершил чудо для Авраама, а вторую половину Он "отложил на хранение", чтобы в ней совершить чудеса при исходе сынов Израиля из Египта.

Илиша после этого, в заключение, Раши разъясняет, что значит "[ночь] хранимых для всех сынов Израиля на [все] их поколения": в эту ночь каждый еврей в любом поколении охраняется от всех, кто способен причинить ему вред, - точно так же, как в Египте, - Вс-вышний "...не даст ангелу-губителю войти в дома..." (Шмот, 12:23) сынов Израиля.

Из этого видно, что эта ночь была предназначена Вс-вышним для великих чудес изначально. Впервые ее предназначение стало явным тогда, когда наш праотец Авраам наголову разгромил четыре армии царей, и с тех пор произошло еще множество событий, приведших к названию этой ночи еще один смысловой оттенок: она - "ночь чудес, хранимых на будущее". Так, именно в первую ночь Песаха Гидон с горсткой воинов-ополченцев разгромил соединенные силы Мидьяна, Амалека и каких-то "сынов Востока", как об этом рассказало в книге Шофтиим (гл. 7), а в эпоху Первого храма в эту же ночь 185 тыс. отборных воинов ассирийского царя Санхериба, осаждавшего Иерусалим, постигла внезапная смерть, и завоеватель был вынужден послешно бежать. И также в ночь на Песах во время пира, устроенного вавилонским царем Бельшадаром (Валтасаром), на ярко освещенной стеле пиршественного зала возникло подобие человеческой руки, начертавшей таинственные письмена, которые никто из вавилонских мудрецов и заклинателей духов не смог понять. Лишь приванный напоследок еврейский пророк Даниэль прочитал эту надпись и объявил царю, что это предсказание очень скоро гибели и вавилонского царя, и его царства, и оно осуществилось в ту же ночь... (см. Даниэль, гл. 5).

И между прочим, как раз в первую ночь Песаха начался трехдневный пост, объявленный Мордехаем по просьбе царицы Эстер. Именно он и стал началом событий, которые привели к чуду Пурима (Мегилат Эстер, 4:15-17).

"Как в дни исхода твоего из Египта..."

"И дни эти вспоминаются и осуществляются в каждом из поколений", - сказано в Мегилат Эстер (9:28). Великий каббалист рабби Ицхак Лурия Ашкенази (Аризаль) объясняет, что эти слова относятся не только к событиям Пурима, но и ко всем еврейским праздникам и знаменательным датам. Те события, которые произошли в эти дни впервые, повторяются каждый год в тот же день - только в духовной сфере. Или, на языке каббалы, тот поток Б-жественного света, который осуществлял определенное сверхъестественное событие в первый раз, снова изливается в мир в годовщину этого события. Поэтому, в частности, внутренний смысл благословения-благодарения "...Который совершил чудеса в те дни, в это время" таков: чудо, совершенное Вс-вышним "в те дни", снова повторяется "в это время", то есть сейчас.

Однако ошибаются те, кто представляет себе, что из года в год мы просто возвращаемся к определенной дате - в нашем случае к годовщине исхода из Египта. Им не хватает общей перспективы: за деревьями они не видят леса. Иудаизм представляет себе время не в виде замкнутого круга, а в виде спирали: каждое возвращение знаменательной даты происходит на новом уровне, поднимается на более высокую ступень. Каждые сутки - самый малый виток, каждая неделя - виток побольше, а следующая неделя - выше прошедшей, и суббота в ней - выше субботы предыдущей недели. Месяц - еще больший виток, а год - еще больший. Однако дело на этом не кончается: годы объединяются в семилетия, а каждый пятисотый год называется "Йовель" - "юбилейный".

Не правда ли, картина поистине грандиозная? И куда же ведет этот подъем?

"Шесть тысяч лет будет существовать мир", - говорит Талмуд (Сангедрин, 97а). Сейчас 5770 год от Сотворения мира - значит, мы находимся в конце шестого тысячелетия и очень близки к началу седьмого: "субботе" сотворенного мира. Она и есть конечная цель, ради которой сотворен мир, она и есть вершина непрерывного подъема.

Так что годовщина исхода из Египта каждый год иная: это новый Исход, соответствующий характеру данного года, а все события, происходящие в первую ночь праздника Песах, - это самые различные формы исхода из Египта.

Теперь мы лучше понимаем - как бы видим в новом свете - слова Агады: "В каждом поколении человек обязан смотреть на себя так, будто он сам вышел из Египта". А рабби Шнеур-Залман, Алтер Ребе, в своей книге Таня приводит такой вариант: "В каждом поколении и каждый день человек обязан смотреть на себя так, будто он сегодня вышел из Египта" (Таня, гл. 47, с. 132). И это следует осмысливать не как поэтический образ или гиперболу, но как реальную действительность.

И сказано еще - теперь уже о грядущем Освобождении: "Как в дни исхода твоего из Египта явлю Я ему (народу Израиля) непостижимые чудеса" (Миха, 7:15). Заметьте: сказано не "в день", а "в дни" - во множественном числе. Почему? Потому что имеются в виду все "исходы твоего из Египта", начиная от самого первого исхода и вплоть до последнего Освобождения еврейского народа (которое тоже уподобляется Исходу). Каждый день совершается исход из Египта как для отдельного еврея, так и для всего народа Израиля в целом, и каждый день - все более и более возвышенным образом. Вплоть до самого высокого: окончательного и полного Освобождения! Как сказано в Агаде: "Из рабства - к свободе, из грусти - к радости, из скорби - к празднику, из мрака - к великому свету, из порабощения - к свободе, и провозгласим пред Ним новый гимн!"

Лехаим, март 2010

Александр Гордон

ПОВЕРХ ИСПАНСКИХ БАРЬЕРОВ

Отец и сын

Знаменитый еврейский историк Семен Дубнов, хорошо знакомый Бялику по Одессе, иммигрировал в Германию на год позже поэта. Он прожил в Берлине с 1922 по 1933 год и работал там над десититомной историей еврейского народа. Еще в 1907 году он опубликовал "Письма о старом и новом еврействе", созданные в результате острых дискуссий с Бяликом. В "Письмах" он писал о важном и поразительном явлении в жизни современного ему еврейства - об эманципации: "После веков рабства, унижений и замкнутости мысли евреи, конечно, должны были устремиться к просвещению, умственному и социальному возрождению, и вообще к человечеству в высшем смысле слова, наравне с передовыми европейскими народами; на деле же они устремились к онемечению, обрушению и т. д., то есть к искусственно подчинению своей национальной личности чужим". Дубнов считал, что подобная ассимиляция является падением в этическом отношении. "Старый", неэмансипированный еврей склонялся перед гонителями-христианином, но сохранил духовную независимость и верность традиции. "Новый", эманципированный еврей, получивший права в христианском обществе, принес в жертву свой национальный характер. Жизнь сына Леонида Пастернака, выдающегося поэта Бориса Пастернака, в чем-то соответствует описанию Дубновым "нового", эманципированного еврея. При всей своей уникальности и гениальности Борис Пастернак шел по пути эманципированных немецких евреев, в которых комплекс национальной неполноценности породил мимикрию: они принимали форму и окраску окружающей среды доминирующей нации и погружались в ее духовный мир. Как и выдающиеся германские евреи, деятели культуры и науки, Борис Пастернак жил и творил по описанию из стихотворения Бялика: "Кумир иноверца и мрамор чужой вдохнете свой пламень с душою живой".

Весной 1912 года Борис Пастернак приехал на учебу в Германию. Увлеченный философией неокантизма и дочерью богатого чаеторговца Д. В. Высоцкого Идой, он прибыл в марбургскую школу знаменитого философа-неокантизма, еврея Германа Когена, единственного в Германии полного профессора философии, получившего это звание без крещения. 1912 год был последним годом преподавания Когена в Марбурге. Осенью он переехал в Берлин, где преподавал в Высшей школе еврейских знаний до смерти в 1918 году. В момент встречи с Пастернаком Коген был занят борьбой с антисемитизмом в германских университетах. Философ предложил Пастернаку подготовить под его руководством докторскую диссертацию. Однако Пастернак не продолжил свою учебу в Марбурге и вернулся в Россию. Отъезд из Марбурга обычно описывается в литературоведении как решение Пастернака порвать с философией и целиком посвятить себя поэзии. Так представляло дело сам поэт. Однако он, по-видимому, скрыл одно обстоятельство.

Ощущения Бориса Пастернака, связанные с евреями и еврейством в первые двадцать два года его жизни, - негативные: унижения, угнетение, погромы. Иное видение еврейской проблемы открылось ему тогда в Марбурге. Пастернак впервые в жизни увидел такой мощный умтипично еврейского мыслителя и столь чуждое ему мировоззрение. Философская этика Когена была основана на этике иудаизма. Увлекавшийся до приезда в Марбург неокантизмом, Пастернак с подачи Когена внезапно увидел иудаизм в основах интересовавшего его учения. Меньше всего Борис Пастернак ожидал встретить в Германии еврейскую идеологию и еврейское мировоззрение в таком высоком концентрации. Измученный еврейскими комплексами в России, он должен был испытать шок от интеллектуальной атаки еврейского мыслителя. Уставший от тяжести своего еврейства в антисемитской России, он должен был отклонить вызов, идущий от националистически настроенного Когена. Он столкнулся с чуждым ему мощным антиассимиляционным ответом Германа Когена и, вероятно, понял, что дальнейшее пребывание в орбите Когена противоречит его восприятию еврейства. Пастернак отверг предложение Когена продолжить занятия философией еще и потому, что отказался подвергать себя влиянию еврейской идеологии немецкого философа. Он не желал нести еще большее бремя своего происхождения. В "Охранной грамоте" Пастернак назвал своего учителя философи "гениальным Когеном". Этот человек производил колossalное впечатление на всех, с кем общался, и, конечно же, произвел сильное впечатление на столь духовно воспримчивого человека, как Пастернак. Невозможно представить, чтобы гениальный Коген, так мощно воплощавший еврейскую мысль, был не замечен Пастернаком в этом отношении. Еврейская струна в Марбурге не прозвучала, а точнее ее звучание было заглушено Пастернаком. Он полностью замолчал роль Когена в своем уходе от философии и отъезде

из Германии. Как и впоследствии, Пастернак применил фрейдовский прием "вытеснения" неприятных ощущений, скрытия и изгнания того, что "не по себе" - еврейская тема исключалась из сознания. Зигмунд Фрейд полагал, что в акте творчества происходит вытеснение из сознания художника сложных проблем и жизненных конфликтов. У Пастернака происходила психологическая сублимация. У него все трансформировалось в творчество - отвергнутая любовь к Иде Высоцкой, шоковая встреча с Когеном, стремление к освобождению от тяжести организующей и подчиняющей философской мысли.

В соответствии с описанием Дубнова, Борис Пастернак принадлежал к категории евреев, которые поняли эманципацию как обрушение, причем глубокое культурное и духовное обрушение. Свое отношение к еврейскому происхождению поэт выразил в письме к М. Горькому (1928): "Зато до ненависти мудрена сама могла участь. Вы знаете моего отца, и распространяться мне не придется. Мне, с момента рождения, с обстановкою детства, с моей любовью, задатками и влечениями не следовало рождаться евреем. Реально от такой перемены ничего бы для меня не изменилось. От этого меня бы не прибыло, как не было бы меня и убыли. Но тогда какую бы я дал себе волю!.. А ведь эти изызвания кишит наша действительность на каждом шагу, и не бывает случая, когда бы моя свобода в теперешнем окружении не казалась мне (мне самому, а не "кн. Марье Алексеевне") неудобной, потому что все пристрастия и предубеждения русского свойственны и мне. Веяния антисемитизма меня миновали, и их никогда не знал. Я только жалуюсь на вынужденные пути, которые постоянно накладываю на себя по "доброй", но зато и проклятой же воле! О кривотолках же, воображаемых и предвидимых, дело которым так облегчено моим происхождением, говорить не стоит".

Борису Пастернаку, по его мнению, "не следовало рождаться евреем". Для него еврейство было проклятием. Если продолжить гипотетическую мысль Пастернака, то не родись он евреем, он не попал под высокое эмоциональное напряжение, не очутился бы в этой еврейской семье, в которой духовная жизнь была утонченной, сложной и запутанной, в которой жили живописью благодаря отцу и музыкой благодаря матери, и воздух которой был насыщен творчеством и стремлением к нему. Не родись он евреем, он не оказался бы перед труднейшей проблемой, в душевной борьбе с которой, возможно, черпал вдохновение. Не родись Пастернак евреем, он не жил бы дуальной жизнью с огромной нервной нагрузкой. Не родись он евреем, он, быть может, был бы заурядным человеком, а не великим поэтом. Отторжение от себя еврейского происхождения и заимствование русской православной духовности сформировали мироощущение и творческий профиль Пастернака. Энергия его отталкивания от еврейства стала поэтической энергией.

Борис Пастернак стал на путь, противоположный тому, который выбрал его отец.

Противоречия с отцом в еврейском вопросе выявились во время посещения Борисом Пастернаком родительского дома в Берлине в конце 1922 - начале 1923 годов, где он побывал во время празднования пятидесятия Бялика. Поэт описал свой визит в Германию и страшное впечатление от изменений, произошедших в ней, в "Охранной грамоте": "Я видел Германию до войны и вот увидел после нее. То, что произошло на свете, явилось мне в самом страшном ракурсе. Это был период Русской оккупации. Германия голодала и холода, ничем не обманываясь, никого не обманывала, с протянутой временами, как за подаянием, рукой (хест для нее не свойственный) и вся головно на kostylyakh". Германия не обманывала поэта и невиданным разгулом антисемитизма и политических убийств евреев, самое страшное и известное из которых произошло почти рядом с домом Леонида Пастернака. Это было убийство националистами в Берлине министра иностранных дел Германии, еврея Вальтера Ратенау, случившееся за полгода до приезда Бориса к родителям.

В период пребывания поэта в Берлине его брат Александр собирался жениться на русской девушке. В письме из Берлина к брату в Москву от 15 января 1923 года он выразил поддержку планов того и подчеркнул свою расхождения с отцом в этом вопросе: "Я от души желаю, чтобы тебе удалось жениться на Ирине... Мы ее очень любим. Что это семья не еврейская, конечно, только лучше, а не хуже. Тебе мои симпатии и антиподы известны. По совести говоря, невзирая на все папины последние устремления - симпатии и антиподы эти - общесемейные. Сердцем (а не головой) и они конечно русских любят больше, чем "своих". Кроме того, я еще не видел ни одного еврея, который бы сохранил свои специфические, просящиеся в анекдот черты, в силу особой какой-то одаренности. Скорее, наоборот. Они выживают по

принципуничтожности. У Бялика этих черточек нет". Пастернак упоминает о "папинах последних устремлениях", то есть о еврейском самосознании отца и выражает свою антиподию к еврейскому браку и предпочитает создание нееврейской семьи. Поэт насмехается над "специфическими, просящимися в анекдот чертами" евреев и принижает их, говоря, что еврейские черты сохраняются "по принципуничтожности". Он критикует еврейский национальный характер, делая, однако, исключение для Бялика. Пастернак не допускает существование таланта при наличии еврейских национальных черт. Иначе одаренность не может быть, перефразируя название одного из поэтических сборников Пастернака, "сестрой жизни" национально-ориентированного еврея.

Сын и отец

В письме к двоюродной сестре О. Фрейденберг от 13 октября 1946 года Пастернак сообщил, что начал писать роман, в котором "Я скажу... счеты с еврейством, со всеми оттенками национализма (и в интернационализме), со всеми оттенками антихристианства". Имелся в виду роман "Доктор Живаго". Атаки на еврейство Пастернак ведет с помощью героя своего романа, еврея Михаила Гордона: "Как могли они (евреи - А. Г.) дать уйти от себя душу такой поглощающей красоты и силы (речь идет о Христе - А. Г.), как могли думать, что рядом с ее торжеством и воцарением они останутся в виде пустой оболочки этого чуда, им однажды сброшенной?.. Полная и безраздельная жертва этой стихии - еврейство. Национальной мыслью возложена на него мертвящая необходимость быть и оставаться народом и только народом в течение веков, в которые силою, вышедшей некогда из его рядов, весь мир избавлен от этой принижющей задачи... В чьих выгодах это добровольное мученичество, кому нужно, чтобы веками покрывалось осмением и истекало кровью столько ни в чем не повинных стариков, женщин и детей, таких тонких и способных к доброму и сердечному общению!.. Отчего властители дум этого народа не пошли дальше слишком легко дающихся форм мировой скорби и иронизировать мудростью?" Для поэта еврейство - "пустая оболочка" христианства, мертвый народ, национальная мысль которого парализует его развитие. Пастернак возлагает вину за страдания евреев на них самих. Он утверждает несостоятельность евреев как нации, обвиняя "властителей дум этого народа" в бездеятельной позе и идейной бесплодности. Он нивелирует перспективу существования еврейской нации. Он старается доказать, что отказ от еврейства необходим хотя бы ради прекращения страданий евреев. Тем самым он осуждает своего знаменитого предка Ицхака Абрабанеля за противостояние христианскому фанатизму. Пастернак в приведенном отрывке считает, что историческая слабость евреев состоит в том, что на них возложена "мертвящая необходимость быть и оставаться народом и только народом в течение веков, в которые силою, вышедшей некогда из его рядов, весь мир избавлен от этой принижющей задачи..."

Семен Дубнов, который во всем расходился с учителем философии Пастернака Германом Когеном, вслед за немецким философом полагал, что вследствие изгнания евреи стали духовной нацией, очищенной и возродившейся новой жизнью, то есть для него евреи - прежде всего национальность, а не религиозная группа. Пастернак критикует евреев, не оценивших христианства. Дубнов, хорошо знакомый с полемикой Когена с известным немецким историком Генрихом фон Трайчке, понимал, что новые антисемиты не относятся к евреям как к религиозной группе, а как к нации, расе. В Германии, в которой Пастернак был и в которой в течение семнадцати лет жили его родители, крещение евреев приобретало все меньший смысл для уравнения евреев в правах с неевреями, сведясь к бессмыслице при нацистах. Расизм в юдофобии возобладал над ее религиозным содержанием. Побеждавший расизм лишил критику Пастернака евреев, отвернувшихся от христианства, всякого смысла. Евреи были обречены быть жертвами погромов, даже если бы приняли христианство. Антисемитизм на росовой, нерелигиозной основе угрожал перекинуться на Россию, где религия слабела и где над евреями уже начиндал тяготеть фатум крови. Были изданы "Протоколы сионских мудрецов", переведены с немецкого языка на русский и пользовались большим успехом (как и в Германии) расистские, не основанные на религиозной юдофобии, писания Евгения Дюринга. Возможно, назревала необходимость написать антирасистский "Антидюринг" в защиту евреев как нации, а не только религиозной группы. Осуждение Пастернаком евреев за их религиозные приоритеты выглядело, таким образом, как анахорезм, как полемика, имеющая отношение к середине XIX века и потерявшая актуальность в первой трети XX века.

(Продолжение. Начало в № 139)

Р. Адин Штейнзальц

ОТ РАБСТВА К СВОБОДЕ

Выход из Египта - это один из важнейших поворотных пунктов истории еврейского народа. Помимо того, что выход из Египта - это центральная тема праздника Песах, почти все еврейские праздники, множество заповедей и вся классическая еврейская литература являются в той или иной степени, прямо или косвенно "памятным выходом из Египта". Напоминание о том, что выход из Египта - это основополагающее событие, стерхенье бытия, получило свое впечатляющее выражение в первых словах Синайского Откровения: "Я - Г-спод Б-г твой, который вывел тебя из земли египетской, из дома рабства". Создование мира, существование вселенной как бы вынунило уйти на задний план, уступив место выходу из Египта - сердцевине еврейского мира.

Столь подчеркнутая многомерность выхода из Египта не позволяет оценить это событие лишь с исторической точки зрения, а придает ему дополнительный смысл: это событие-пробообраз, архетип действительности, являющийся базисом исторической жизни еврейского народа. На протяжении веков выход из Египта был не только фактом из прошлого, о котором следовало вспоминать, но в большей степени - той фундаментальной творческой моделью, на основе которой созидалось бытие еврейского народа, как во внешнем историческом плане, так и в плане внутренних отношений. "Во всяком поколении обязан человек смотреть на себя, как будто он сам вышел из Египта", изо дня в день вспоминают о выходе из Египта, днем и ночью, "в этом мире и во дни Машиаха". Такое подчеркивание выхода из Египта, постоянное упоминание этого события указывает на то, что выход из Египта, хоть и является феноменом прошлого, тем не менее, продолжает принимать участие в историческом процессе, оказывая влияние на жизнь многих поколений, на весь еврейский народ в целом и на каждого еврея в отдельности.

Дабы вспоминали ты день твоего выхода из земли египетской в все дни жизни твоей" - этот отрывок указывает на то, что следует вновь и вновь изучать подробности выхода из Египта, в любом поколении, поскольку процесс выхода из Египта должен продолжаться в каждой эпохе. Поэтому анализ событий, связанных с выходом из Египта, имеет актуальное значение всегда, ибо во всяком поколении первостихии бытия вновь и вновь складываются в первозданные, архетипические формы, во всяком поколении "рабами мы были у фараона в Египте, и вывели нас Г-спод Б-г наш оттуда". А тот, кто не умеет воплощать в своей жизни относящийся к нему сценарий выхода из Египта, остается рабом фараона в Египте.

Рабами мы были

"Рабами мы были у фараона в Египте". На первый взгляд совсем нетрудно понять, что такое рабство. Поверхностное представление о рабах, эксплуатируемых и унижаемых, терпящих побои и издевательства, кажется настолько тривиальным, что как правило даже не возникает желания задуматься над этим явлением. Несомненно, что, работая за тяжелым трудом, что над ним стоят надсмотрщики и надзиратели, следящие за тем, чтобы он выполнял свой ежедневный урок. Награда за его труд мизерна, а работа тяжела. Однако, в этом ли самая суть рабства? В современном мире почти каждый свободный человек тратит огромные усилия, добывая себе средства к существованию. Редко выпадают передышки, когда не подогнат время и не давят различные обстоятельства, мало найдется людей, которые могут сказать, что они не страдают от необходимости тяжело трудиться, выполнять нормы и выносить притеснения от всякого рода начальников. Почти беспрерывная борьба за существование ложится тяжким грузом на плечи тружеников. Во всяком поколении почти все люди изнывают под гнетом труда и к себе домой возвращаются только для того, чтобы восстановить силы для дальнейшей работы. Вышедшие же из Египта, что плакали в пустыне: "Понимай рыбку, которую я в Египте даром", - не были просто неблагодарными глупышами. У них о своем рабстве остались не только безрадостные воспоминания. Из этого можно сделать важный вывод: всякая жизнь включает в себя тяготы и труд, и во всякой жизни, даже в жизни раба, изнывающего от непосильной работы, находится время для утех и радостей. Связь между "рыбой" и "трудом" претерпевает изменения в зависимости от места или вида работы, но тем не менее всегда имеется известное соотношение между двумя этими явлениями. Суть рабства не во внешних его проявлениях, а во внутренних его смыслах, не внешние соотношения тяжкой работы создают рабство, и не праздность и отдохновение составляют содержание свободы.

Главная суть рабства заключается в том, что труда раба целиком принадлежит другим. Раб не является тем, кто сам определяет цели и задачи работы, в этой работе не учитываются его потребности и желания. Это работа на других. Другие определяют ее цели и задачи, а раб является лишь инструментом для этого. И коли скоро это так, то не играет роли, какой работой занята раб и действительны ли он надрывается в поле, изготовляя кирпичи из глины. Он может сидеть в хорошо кондиционированном помещении и писать высокодуховственные книги - даже на этом припиши он все еще раб.

Когда фараон испугался возрастающей силы еврейского народа, у него возникли опасения, что евреи достигнут свободы самосознания и "поднимутся из земли". Для того, чтобы народ остался в стране и не смог обрести независимое самосознание, фараон должен был заставить евреев заниматься делом, которое является чуждым их интересов и представляет интерес для Египта - "дабы изнурять его тяжкими работами" ради Египта, приуждая трудиться и выполнять работу, цель которой - благополучие египтян, "и строил он города-храмилища для фараона, Питом и Раамес". Сами по себе эти мероприятия были весьма важны и преследовали вполне практические цели. Но поскольку работа эта осуществлялась для фараона и Египта, то само участие евреев в этой работе превращало евреев в народ рабов - народ, существующий для других.

Поэтому когда еврейский народ добился своей цели, когда он освободился от египетского гнета и достиг своей земли, то он не стал свободным от необходимости работать, даже весьма тяжко работать, хотя земля его и "сочинила молоком и медом". Разница не в работе и не в том, сколько можно получить за поденный труд, а в целях и назначении работы - выполняешь ли ты ее для самого себя, сообразуясь с собственными целями, или осуществляешь ее для других, согласно их целям.

Выход из рабства не следует понимать так, будто каждому трудающимся предоставляетя горшок с мясом, и, несомненно, выход из рабства - это не обретение беззаботности (скорее всего, даже

наоборот: свободный человек более обеспокоен своей работой и ее результатами). Выйти из рабства - это значит начать работать на себя, руководствуясь собственными целями.

Исходя из этого понятно, что рабство не прекратилось после выхода из Египта. Еврейский народ, находясь в других изгнаниях (а временами обита в своей земле), мог вновь вновь владеть в рабстве. Однако это случалось уже не со всем еврейским народом, а с единицами или с отдельными, иногда значительными, его группами, когда он работал и трудился, создавал города и веси, осуществляя революции, развивал культуру, науку и искусство - и все это ради фараона, который существует в каждом поколении. "Угнетатели и надсмотрщики" иногда появлялись открыто, а иногда прятались в человеческих душах, когда не было нужды во внешних надзирателях, чтобы принуждать раба трудиться. Но евреи продолжали оставаться в рабстве - творить и строить для других, заниматься служениями, чуждыми доли еврейского народа. Как выражено в словах Песни Песней: "Заставили меня сторожить виноградники, свой виноградник не сберега я".

Забрать народ из среды народа

Начинается рабство так: раб работает для других, и другие определяют его цели и образ жизни. Но рабство становится более глубоким, когда оно перестает быть лишь внешней зависимостью и внешней порабощенностью, когда оно проникает в глубины души.

Пока раб, будь то отдельный человек или нация, осознает себя рабом, пока он понимает свои собственные интересы и соглашается с тем, что по каким-то причинам гнет спину на других, пока он болезненно переживает угнетение, рабство еще не является окончательным и бесповоротным. Более тяжелая стадия наступает тогда, когда раб забывает о том, что он раб. Вызываемые прокорами и мудречами о рабстве евреи Египта подчеркивают, что у евреев стало постепенно исчезать болезненное ощущение рабства, что еврейский народ начал отождествлять себя с Египтом и потерял из-за этого независимость самосознания. Упомянутое отождествление с Египтом не означает, что евреи во всех смыслах стали египтянами, или "египтанс" (во всех поколениях, во всех своих разновидностях) не желают представлять евреям право на это. Отождествление появилось тогда, когда евреи до такой степени прониклись идеями египетского народа, что с вдохновением и энтузиазмом взялись за ту тяжкую работу, которая была возложена на них, и стали считать ее целью своей жизни.

Постройка "Питома и Раамеса" сделалась для них жизненной задачей, они стали разделять устремления египтян, и поэтому оказались готовы к принятию на себя всей тяжести рабства. Когда наши мудрецы говорят о том, что евреи в Египте поклонились чуждым богам, что евреи прошли сорок девять ворот египетской нечистоты, они имеют в виду именно это состояния народного духа. Когда в жреческом одолождении евреи устремляются "мерзость египетскую", тогда их рабство является чем-то навязанным извне, и остается еще надежда на освобождение и избавление. Но если евреи начинают верить в египетских идолах, если избирает для себя идолопоклонство в качестве подходящего образа жизни, тогда выход из Египта теряет для него всякий смысл. Конечно, евреи могут изнанывать из тяжкой работы, мог домогаться для себя облегчения в труде и более высокого социального статуса, однако в любом случае он хотел, чтобы он сам и его жизнь были плотно вплетены в канву египетской жизни, хотел сознательно, без принуждения.

Нам доподлинно не известно, какое рациональное объяснение давали евреи своему рабству в Египте, однако и сейчас можно без труда найти евреев, которые продолжают поступать подобным же образом. Рабство, изгнание, жизнь среди других народов становятся для этих людей самодовлеющими идеалами. Мечтой такого еврея является следующее: подчиниться другим народам, осуществить их чаяния, вложить им проекты и взвалить на себя великую "миссию" - стать рабом для всех народов. Даже резня и погромы не притягивают в расчет и не заставляют разочароваться или раскаться. По мнению некоторых евреев, это является частью "свидетельства", удостоверяющего принадлежность к еврейскому народу: быть изгнаником, быть угнетенным, нести на своих плечах чужое бремя и чужую работу.

Благодаря этому "раб-еврей" становится вечным рабом, который не может получить свободу, поскольку он перестал стыдиться своего рабства, испытывать унижение и боли, поскольку он поглядывает, что его положение прекрасно и не требует перемен. В рассказе: появлявшемся о выходе из Египта говорится, что Б-г пришел, чтобы "забрать народ из среды народа". Это значит, что еврейский народ погрузился в самую сердцевину народа-порабителя, как бы в эту среду и был поглощен ею. Стало быть, избавление еврейского народа из Египта произошло когда у самих евреев почти уже не оставалось желания уходить и быть освобожденными. Процесс освобождения не должен был закончиться одними только казнями египтянами, он был неразрывно связан с воспитанием еврейского народа. Казни все усиливались и усиливались не только для того, чтобы египтяне согласились отпустить евреев на свободу, но и для того, чтобы фараон, который, по выражению Писания, "изгоняя, прогонят вас отсюда", подстегнув всех тех, кто колеблется, кто продолжает подбивать баланс между выгодами и убытками, кто совершенно погряз в нечистоте египетской - чтобы народ Египта помог им решиться, изгнал их из страны, дал им понять, что они чужаки и не нужны египтянам даже в качестве самых жалких рабов.

"Свершил Б-г праздник в пустыне"

Требуя от фараона, чтобы он отпустил евреев, Моше и Аарон аргументировали это тем, что евреи должны спасти праздник Г-спод в пустыне. Вокруг этого довода и велся между фараоном и Моше спор, закончившийся тем, что еврейский народ получил Г-спод в пустыне. На первый взгляд кажется, что прослава Моше и Аарона - это простая уловка. Евреи хотят покинуть Египет, поэтому они хватаются за первый попавшийся довод и предъявляют его фараону. На самом же деле речь здесь ведется о центральном понятии выхода из Египта, о том, что составляет суть выхода из рабства настолько избавлению.

Как отчетливо понял сам фараон, в основе желания уйти, чтобы служить Б-гу, лежит стремление скрошить ярмо рабства. У подлинных рабов нет настоящих богов. Более того, священный долг раба - выполнять свою работу. Первостепенная его задача - служить, исполнять все то, что велит господин. Однако в тот момент, когда раб открывает, что есть Господин над господами, что имеется

высшая власть и священный долг, которому он подчинен и который выше всех других обязанностей - в это самый момент он в душе перестает быть рабом. Конечно, можно долгое время заставлять людей работать из-под палки, но эта работа уже не будет стопроцентным рабством. Бунт, сопротивление, борьба за свободу могут продолжаться долгое время, однако, в конце концов, завершается победой - в том случае, если все еще будет оставаться желание "выйти, чтобы праздновать Г-споду".

Фараон не ошибся, когда решил, что само желание выйти для празднования является знаком ослабления рабства. И он попытался воскреплять национальную возрождение при помощи ряда мер, призванных сломить дух народа, непосильной работой, которая приводила к такому состоянию, когда люди уже не могли мечтать, когда люди уже не могли хотеть ничего такого, что выходило бы за рамки самых простых потребностей жизни. Следует, над этим задуматься: сама идея "выйти" не опасна, поскольку она не скрошит сущности рабства. Любой раб мечтает иметь фиксированный "отпуск", освобождающий на время от работы, будь то тяжелая работа или работа легкая. В конце концов, раб естьственный быть ленивым. Но подлинное освобождение начинается тогда, когда у желания выйти появляется вполне определенная цель, когда это освобождение является не отрицанием тяжелого рабского труда, а отрицанием рабского образа жизни, рабской морали и рабских ценности. Любого рода попытки достичь освобождения евреев при помощи одного лишь внешнего выхода из изгнания не в состоянии привести к настоящему избавлению. Раб время от времени способен бунтовать и сопротивляться, но какая польза от этого, если он продолжает оставаться рабом? Тот, кто внутри себя все еще раб, может добиться лишь видимости свободы. В конечном счете он останется рабом Фараона, даже если скроется из Египта.

Свобода зиждется на внутреннем самосознании, а не на отрицании внешней работы. Тот, у кого нет собственного лица и собственного Б-га - всегда остается рабом, даже если у него нет хозяев, стоящих у него над душой. Сокрушились лишь внешние оковы, но осталась печать раба глубоко в сердце. Назначение свободы - приобретение собственной цели и своей шкалы ценностей. Когда всего этого недостает, продолжается рабство.

Один мудрый человек сказал: легче вывести евреев из изгнания, чем вывести изгнание из евреев. Внешний выход из изгнания может положить начало великим делам, но сам по себе он не является даже проблемой избавления. Настоящее избавление приходит тогда, когда сбрасывают на ярмо египетское, а ярмо уподобления Египту. И коли скоро жизненные цели являются целями, навязанными извне чужим народом, соответствующие чуждой иерархии ценностей, чуждому мировосприятию - то речь, по сути дела, может идти лишь о продолжении рабства. В этом случае рабы, вышедшие из рабства, люди, вернувшиеся из изгнания, не вышли еще на свободу, а по добной воле тянут свое рабство за собой. Это не освобождение, не выход из "дома рабов" - а лишь миграция рабов из одного места в другое. Образно говоря, рабам позволяют покинуть страну только для того, чтобы они организовали рабовладельческую колонию в другой стране. Рабство превратилось в труд невольников-колонизаторов, не более того.

Поэтому столь важно указание на цель выхода из Египта: праздновать Г-споду в пустыне. Когда имеется самодовлеющая цель, когда появляется новый жизненный путь, ни в коей мере не служащий продолжением рабской жизни, тогда начинается избавление.

Между фараоном и пустыней

Выход еврейского народа из Египта, переход из изгнания к избавлению не произошел внезапно. Как говорилось, у рабства есть душевная, внутренняя сторона, подобно тому, как есть порабощенность внешняя. Конечно, внутреннее рабство не всегда заметно. Когда в самом начале народа выходил из Египта, когда народ двигался, организованный по коленам, когда у него был глава и руководитель, когда он выступал под своими собственными знаменами, когда он выходил, увенчанный оружием ("вооруженным подлинником", произошло в тот момент, когда народ оказался в беде, когда обстоятельства стали складываться вопреки оптимистическим прогнозам, когда подступила настоящая беда, требовавшая реальных действий. Тогда византио обнаружилось, что тот, кто по сути своей раб, остается рабом даже после того, как он скрал из рабства. Речи, с которыми народ обратился к Моше в час этой беды, можно услышать и в наше время (иногда они имеют почти библейскую интонацию): "Разве могли недостает в Египте, что вывели нас умирать в пустыне? Что сделали ты нам, выведя нас из Египта! Не говорили ли мы тебе: оставь нас, и будем мы служить египтянам, ибо мы лучше работать на Египет, чем умирать в пустыне?". Куда подевалась гордость, куда скрылись те самые вохи и старцы, которые восстали среди народа во время освобождения, куда подевалась самоуверенность, возникшая благодаря оружию? Ничего этого не было, все было одной лишь видимостью. Рабы оставались рабами фараона, и поэтому, когда настал час испытания, они выразили всю свою рабскую тоску по прежним хозяевам, по прежнему своему образу жизни, по спокойствию и надежности рабского существования. Конечно, нестремлюсь находиться между фараоном и пустыней. Внешние обстоятельства не предвещали ничего хорошего. Однако дело касалось внутренней ущербности, отсутствие умения жить независимой жизнью, отсутствие внутренней свободы. Поэтому народ рабов не хотел ни воевать с фараоном, ни кружить по пустыне - ведь для этого требовалась внутренняя мотивация, обусловленная истинным желанием независимости и свободы.

Оставил еще третий путь: повернуть к морю. Избрание этого пути продемонстрировало бы полный отказ от рабства. Если освобождение подлинно, то следует осуществить то, что кажется невозможным. Потом случилось чудо, но для того, чтобы народ стоял достоин чуда, он должен был доказать свою готовность покорствовать собой ради права быть по-настоящему свободным. Осуществить такое выпало на долю тех, кто вслед за Нахшоном, сыном Аминадава, решился сделать свой первый шаг в ту сторону, на которую указывал посох Б-жий, и благодаря им произошло то, что кажется немыслимым, именно такие люди осуществляют невозможное.

Точная и детальная передача Торы из поколения в поколение - одно из главнейших достижений еврейской традиции. Однако так ли корректен текст Торы, как мы привыкли считать? Откуда мы знаем, что современная Тора идентична той, которую получили евреи на горе Синай?

Правильность текста Торы

Известно, что Вс-вышний по буквам продиктовал Тору Моше. Вот что говорит нам Мидраш (Дварим Раба, 9:4):

Перед смертью Моше записал тринадцать Святков Торы. Двенадцать из них были распределены между двенадцатью племенами. Тринадцатый (вместе со Скрижалами) - помещен в Ковчег Завета. Если кто-нибудь попытается изменить текст Торы, Святок из Ковчега Завета явится бы свидетельством против него. А если бы совершила попытка фальсифицировать текст тринадцатого Святка, остальные двенадцать копий тут же выявили бы любое несоответствие.

Каким же образом осуществлялась проверка новых святков?

Священный Храм Иерусалима располагал "контрольным экземпляром", с которым и сверяли все остальные святки. После разрушения Второго Храма в 70 году н.э. наши Учителя периодически осуществляли глобальные проверки - с целью выявления и уничтожения возможных ошибок, вкрашивавшихся в тексты в процессе переписывания.

Написание Святка Торы

К Святку Торы, подсчетам Талмуда, предъявляется более двадцати требований, и только тот свиток, который удовлетворяет всем этим требованиям, считается "кошерным". Это - встроенная в Тору своеобразная система безопасности. Если хоть одно из двадцати условий нарушено, данный Святок Торы не может считаться священным и зачитывать по нему текст Торы во время публичных чтений нельзя.

Процесс тщательного переписывания святка вручную занимает около 2000 часов (целый год работы в обычном режиме). За века еврейские переписчики выработали следующие принципы:

Святок Торы считается непригодным для чтения, если к тексту добавлена хоть одна буква;

Святок Торы считается непригодным для использования, если в тексте не хватает хоть одной буквы;

Переписчиком может быть лишь образованный, религиозный еврей, который прошел специальную подготовку и получил аттестацию;

Все используемые переписчиком материалы (пергамент, перья, чернила) должны соответствовать строгим требованиям и быть приготовленными специально только для переписывания Святка Торы;

Переписчик не имеет права записывать Тору по памяти. Перед ним всегда должен находиться другой, кошерный свиток, с которым необходимо постоянно сверяться;

Переписчик обязан произносить вслух каждое слово, прежде чем записать его;

Между буквами и рядами букв должен быть определенный интервал. Если одна буква касается другой, свиток считается испорченным;

Если хоть одна буква повреждена настолько, что ее невозможно прочесть, весь свиток недействителен, при этом не важно, что именно испортило "рисунок" букв - дефект перчера переписчика или же механическое повреждение бумаги. Каждая буква должна быть настолько разборчивой, чтобы любой человек, включая обычного школьника, мог отличить ее от похожих букв;

Переписчик должен соблюдать определенное расстояние между словами так, чтобы одно слово не выглядело как два отдельных слова, и наоборот;

Переписчик не должен изменять вид разделов и обязан придерживаться определенной длины строк и структуры параграфов Торы;

Если в каком-нибудь Святке Торы обнаружена ошибка, то в течение 30 дней она должна быть исправлена (все это время использование Святка для публичных чтений запрещено), в противном случае данный Святок следует хранить в специальном архиве или захоронить в земле.

Успешность системы

Обеспечение корректности и неизменности такого древнего и длинного документа как Тора - задача чрезвычайно сложная даже при самых благоприятных обстоятельствах.

Однако на протяжении всей истории еврейские общины постоянно подвергались погромам и гонениям. Только за последние 2 тысячи лет евреи рассеялись по всему свету, от Йемена до Польши, от Австралии до Аляски.

Трудности точной передачи Торы усугублялись многими историческими факторами. К примеру, разрушение Храма 1900 лет назад привело к распространению Саннедрина - центрального органа власти евреев, способного решить любые разногласия и объединить нашу нацию.

Давайте рассмотрим современное положение дел. Если мы соберем самые старые Святки Торы и сравним их между собой, то сможем узнать, существуют ли какие-либо искажения текста, и если - да, то каково их количество.

В Торе 304805 букв (или приблизительно 79000 слов).

Как вы считаете, сколько букв из этих 304805 могло быть искажено? (Большинство называют цифру от 25 до 1000).

На самом деле, в результате всевозможных несчастий, переселений и гонений лишь Йеменские Святки Торы отличаются от остальных Святков. В течение веков Йеменская община не была частью всемирной системы проверок, и их Святки насчитывают девять неправильно переписанных букв.

Эти ошибки носят исключительно орографический характер. Они никоим образом не влияют на значения слов. Для сравнения можно привести слово "цвет" (colour). Как вы напишите его? В США "цвет" пишется как C-O-L-O-R, а в Великобритании - C-O-L-O-U-R.

Такова и природа орографических несоответствий между современными Святками Торы. Принимая во внимание тысячелетия существования Торы, подобный результат можно назвать впечатляющим.

Сравнение Торы с другими текстами

Однако, если сравнить Тору с другими похожими документами, например, с Христианской Библией (обе книги содержат примерно одинаковое количество слов), останется ли результат, достигнутый евреями, таким же поразительным?

Во-первых, давайте выясним, какой из этих двух документов должен был лучше сохраняться.

Разумеется, Христианская Библия. На это есть несколько причин.

Во-первых, она примерно на 1700 лет моложе Торы. Во-вторых, христиане не пережили и половины тех гонений и переселений, которые выпали на долю еврейского народа. В-третьих, у христианства всегда была центральная власть (Ватикан), следившая за корректностью текста Библии.

Каковы же результаты? Переводческий Словарь Христианской Библии, написанный специально для того, чтобы подтвердить действительность этой книги, свидетельствует: "Изучение 150 греческих [манускриптов] Евангелия от Луки обнаружило более 30000 различий... Мы можем с уверенностью сказать, что в Новом Завете не существует ни одного предложения, которое не имело бы нескольких вариантов прочтения в различных манускриптах".

Другие ученые сообщают, что в сохранившихся манускриптах Нового Завета существует около 200000 вариантов, представляющих собой 400 различий, которые меняют смысл того или иного отрывка. 50 из них имеют принципиальное значение.

Итак, в Торе было найдено всего девять орографических несоответствий, которые ни в своей мере не меняют смысла написанного. В Христианской Библии содержится более 200000 несоответствий, 400 из которых дают различное понимание текста.

Подчеркнем, что мы приводим это сравнение отнюдь не для того, чтобы высказать какое-либо мнение о христианстве. Наша цель - продемонстрировать поразительную "аккуратность" в сохранении евреями первоначального варианта Торы.

По материалам семинара Дискавери

Международной просветительской организации Aish ha Targan

**Еврейская община имеет честь поздравить с Днем рождения
Витухновскую Раису Михайловну,
пожелать здоровья и до ста двадцати!**

Наша кухня

Шейки фаршированные

Шейки 80 г, мука 1 стакан, жир гусиный или куриный пептлонный 30 г, лук репчатый 1 шт., соль, перец.

Для подливки: лук репчатый 1 шт., морковь 1 шт., жир гусиный или куриный пептлонный (или растительное масло) для обжаривания 1 ст. ложка.

С опаленных кур или гусей осторожно снимают шейки, стараясь их не повредить. Шейки промывают и зашивают с одного конца. Для фарша муку протирают с мелко нарезанным куринным или гусиным жиром, добавляют мелко нарезанный репчатый лук, соль, перец и все хорошо перемешивают. Полученным фаршем начиняют шейки, зашивают другой конец и в нескольких местах прокалывают кожу вилкой. На гусином жире пассируют морковь и лук, после чего кладут фаршированные шейки, заливают горячей водой так, чтобы их покрыло, и тушат под крышкой до готовности. При подаче шейки кладут на тарелки и поливают подливкой, образовавшейся при тушении шеек. Можно также готовые шейки после охлаждения и удаления ниток нарезать на ломтики и обжарить слегка на сковороде.

Шейки, фаршированные картофелем

Шейки 80 г, картофель 160 г, куринный топленый жир 1 ст. ложка, лук репчатый 1 шт., мука 2 ст. ложки, перец, соль.

Шейки фаршируют и готовят, как указано выше, фарш готовят следующим образом. В натертый сырой картофель кладут топленый гусиный (куриный) жир, добавляют муку, пассированный репчатый лук, перец, соль.

ПРИЯТНОГО АППЕТИТА!

Издатель: Петрозаводская еврейская религиозная община 185035 г. Петрозаводск, а/я 360, тел. (814-2) 78-39-38 e-mail: talit@karelia.ru

Редактор:
Дмитрий Цвибель

Компьютерный набор, верстка и офсетная печать выполнены фирмой "Принт", 185035, Петрозаводск, ул. Гоголя, 28, тел. 78-20-18, факс 78-12-26

Тираж 300 экз.

СВОБОДА - ОНА И ЕСТЬ СВОБОДА,
НЕ РАВЕНСТВО, НЕ СПРАВЕДЛИВОСТЬ,
НЕ СЧАСТЬЕ И НЕ ЧИСТАЯ СОВЕСТЬ

И. Берлин

**ХЭСЭД АГАМИМ
ПОЗДРАВЛЯЕТ С ЮБИЛЕЕМ**

ФИАЛКОВУ Валентину Андреевну

БАРА Владимира Григорьевича

ЛАКА Герсона Цалеловича

МАЛИНЕНКО Владимира Пантелеймоновича

МАЗЛ ТОВ И ДО СТА ДВАДЦАТИ!